

**Формы и методы проведения антицерковной политики
советского руководства в 1920-е годы
(на примере Гомельщины)**

Грищенко Ирина Адамовна,
Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого
(г. Гомель, Беларусь)

С опорой на архивный материал автор анализирует формы и методы борьбы советской власти с православной церковью, а так же с проявлением религиозности среди населения Гомельщины.

Антицерковный характер политики большевиков проявился в первых же законопроектах 1917–1918 гг. Итогом стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). При неизменности позиции в отношении церкви, методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые советским руководством, были весьма противоречивы.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви можно проследить по партийным циркулярам и сводкам ГПУ на примере Гомеля: «Закрытие церквей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд». Циркуляры призывали партработников проявлять в работе с верующими такт, терпение и опираться на мнение большинства, которое (мнение) необходимо было формировать в нужном партии направлении [1, л. 46, 54]. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации в отношении средств предупреждал, что «нарочито грубые приемы вместо серьезного анализа и разъяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1, л. 67]. Процедура снятия икон в домах коммунистов и комсомольцев нередко сопровождалась глумлением над святынями, вызывая у крестьян негативную реакцию [2, л. 145]. Конфликты на этой почве возникали повсеместно (д. Новый Радин Комаринского р-на, с. Яново Ветковского р-на, д. Дворище Хойницкого р-на) [3, л. 116].

Во второй половине 1920-х гг. власти запретили проводить так называемые антипасхальные карнавалы с сожжением богов, вызывающие недовольство и приводящие к столкновениям с жителями деревень. Подчеркивалась важность систематической работы с привлечением специалистов высокой квалификации, которые делали бы упор на научный подход в критике религии [4, л. 22–22 об.]. Партийные инструкции рекомендовали антирелигиозную кампанию доверять учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна [1, л. 55].

В целях активизации антирелигиозной пропаганды, создавались ячейки союза «Безбожников». Однако пополнение новыми членами на Гомельщине шло медленно, и членство часто носило формальный характер [5, л. 25]. Партийное руководство категорически запрещало участвовать, даже пассивно, членам партии и комсомольцам в религиозных обрядах. За венчание, крещение ребенка, отпевание, крашение яиц, освящение куличей и пасок следовало исключение из партии [6, л. 96; 7, л. 3; 8, л. 105].

Активизация антирелигиозной работы приходилась на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. Как правило, на эти дни составлялись планы проведения «комсомольских рождества и пасхи»: субботники, мероприятия в клубах [2, л. 56, 75, 84]. Это нередко вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в Церкви.

В сводках ГПУ отмечается крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химик», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляли бывшие крестьяне, чем и объяснялась

их религиозность. Так на Благовещение 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). В первый день Пасхи 1930 г. не вышло на работу 60% всего состава рабочих г. Гомеля. Как отмечалось в отчетах ГПУ, под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие члены партии. Посещаемость церкви на пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с прошлым годом [3, л. 30–31].

Советское руководство в своей антицерковной политике попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви, который реализовался в обновленческом движении. Грубое вмешательство властей во внутреннюю церковную жизнь приходило в противоречие с советским законодательством, а именно с принцип отделения Церкви от государства. Для большевиков обновленчество – способ дискредитировать Церковь в глазах верующих и расколоть ее изнутри. Сотрудничество советского руководства с так называемыми «новыми церковниками» – тактический ход, а не программная позиция. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечает, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носительницей религиозного дурмана» [1, л. 55]. Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объясняется так же желанием создать себе определенный имидж на Западе, как власти толерантной, демократичной, гуманной. Комментируя арест патриарха Тихона, власти настаивали на правильной оценке своей политики со стороны обновленческого собора: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера. ...Все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета» [1, л. 55].

Гомельские священники с установлением советской власти в большинстве своем ушли в обновленчество. Ситуацию исправил приезд в Гомель в качестве викарного епископа Могилевской епархии Тихона (Шарапова) (1886 - 1937). По приезде в Гомель 3 апреля 1925 г. он проявил такую активность, что в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии... В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [9, с. 59]. Эффективность мероприятий агитпропа могли усилить только репрессии в отношении духовенства и верующих.

Литература

1. Цирюляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 2. Оп. 1. Д. 338.
2. Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации // ГАООГО. – Фонд 2. Оп. 1. Д. 514.
3. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроении рабочих Гомеля. 1930 // ГАООГО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 714. Т. 2.
4. Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы // ГАООГО. – Фонд 2. Оп. 1. Д. 489.
5. Протоколы заседания секретариата горкома КП(б)Б // ГАООГО – Ф. 265. Оп. 1а. Д. 101.

6. Протоколы заседаний бюро Гомельского губкома РКП(б). // ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1863.
7. Протоколы заседаний бюро Речицкого райкома КП(б)Б. – Ф. 451. Оп. 1а. Д. 51.
8. Комсомольская ячейка губсуда. 1929 // ГАООГО. – Ф. 108. Оп. 1. Д. 8.
9. *Косик, О.В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / *О.В. Косик.* – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.